

УДК 740

М.Ю. Кречетова

СПОСОБНОСТЬ ВОООБРАЖЕНИЯ В ОНТОЛОГИИ И. КАНТА¹

Рассматривается функция способности воображения в онтологии И. Канта. Эта функция наиболее подробным и исчерпывающим образом представлена в интерпретации М. Хайдеггера, изложенной им в его ранних лекционных курсах «Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft» и «Kant und das Problem der Metaphysik». Задача этой статьи: во-первых, представить уникальную, авторскую интерпретацию, слабо известную русскоязычному читателю, во-вторых, каталогизировать аргументы «в пользу» фундаментального характера способности воображения, в-третьих, провести границу между «аутентичным» и «модернизирующим» прочтением «Критики», между прочтением, соответствующим «букве и духу» оригинала, и разработкой М. Хайдеггером собственной онтологии на основе интерпретации кантовской.

Ключевые слова: воображение, время, схематизм, синтез аппрегензии, синтез репродукции, синтез рекогниции.

Выделение способности воображения как ключевой способности в онтологии И. Канта не является ни распространенным в научной среде, ни академически признанным. Казалось бы, для этого есть все основания. Во-первых, во введении к «Критике чистого разума» И. Кант упоминает только две ключевые способности человеческого познания: чувственность и рассудок, созерцание и мышление. Во-вторых, в «Критике» есть специальный раздел, посвященный способности созерцания – «Трансцендентальная эстетика», есть целых два раздела, посвященных мышлению – «Трансцендентальная логика» и «Трансцендентальная диалектика», но нет раздела, посвященного отдельно способности воображения. В-третьих, способность воображения трактуется в «Критике способности суждения» в рамках противопоставления теоретического и эстетического, что, по-видимому, исключает фундаментальное значение этой способности собственно для знания, а не для восприятия прекрасного. И тем не менее есть целый ряд указаний на то, что воображение выполняет фундаментальные функции в познании, которые не могут быть приписаны или сведены ни к созерцанию, ни к мышлению. Особенно отчетливо это видно на примере текста первого издания «Критики чистого разума».

В этой связи представляется важным разобрать интерпретацию «Критики», настаивающую не только на фундаментальном, но и на первичном характере способности воображения в познании. Речь идет об интерпретации М. Хайдеггера, осуществленной им в его ранних лекционных курсах «Феноменологическая интерпретация кантовской критики чистого разума» и «Кант и проблемы метафизики». Задача этой статьи – не только представить уникальную, авторскую интерпретацию, слабо известную русскоязычному чита-

¹ В данной статье использованы результаты работы, полученные в ходе реализации в 2013 г. научного проекта «Способность воображения в онтологии и эстетике И.Канта» при финансировании факультета философии НИУ ВШЭ.

телю, не только каталогизировать аргументы «в пользу» фундаментального характера способности воображения, но и, по возможности, провести границу между «аутентичным» и «модернизирующим» прочтением «Критики», между прочтением, соответствующим «букве и духу» оригинала, и разработкой М. Хайдеггером собственной онтологии на основе интерпретации кантовской.

В «Критике» имеется три отрывка, где речь идет о способности воображения: это 6 абзацев §10, разделяющих таблицу суждений и таблицу категорий; раздел о схематизме чистых рассудочных понятий и раздел о синтезах аппрегензии, репродукции и рекогниции. Разберем их по порядку.

Первый фрагмент, где впервые упоминается и определяется способность воображения, посвящен вопросу соотношения таблицы суждений и таблицы категорий: выводима ли вторая из первой, и, если нет, какое опосредующее звено между ними находится. В первом абзаце §10 И. Кант приводит традиционное противопоставление формальной и трансцендентальной логики, а затем говорит о некоем новом, ранее не упомянутом условии познания: «Однако спонтанность нашего мышления требует, чтобы это многообразие (данное благодаря пространству и времени. – *М.К.*) было известным образом *пересмотрено, усвоено и связано* (курсив мой. – *М.К.*) для получения из него знания. Эту деятельность я называю синтезом» [1. С. 81]. М. Хайдеггер акцентирует внимание на том, что имеется некое *предварительное* условие для деятельности рассудка, то есть для деятельности образования понятий. Говоря проще, материал, поставляемый созерцанием, является еще слишком сырым и необработанным, если угодно, хаотическим, чтобы рассудок мог с ним работать. Требуется некий синтез, который привел бы этот материал в более пригодную для последующей работы мышления форму.

Во втором абзаце И. Кант определяет сферу действия этого синтеза, различает эмпирический и чистый синтез и высказывает два ключевых тезиса. Первый: «Ни одно понятие *по содержанию* не может возникнуть аналитически» [1. С. 82]. И второй: «Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний» [1. С. 82]. Синтез здесь противопоставляется анализу. М. Хайдеггер интерпретирует это противопоставление следующим образом: анализом у И. Канта называется акт логического образования понятий (посредством процедур рефлексии, сравнения и абстрагирования), а синтезом – предшествующий этому акт обработки представлений, который описывается у И. Канта как «акт присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином акте» [1. С. 81]. Попробуем проиллюстрировать суть этой интерпретации на примере: в процессе формирования понятия «дерево» наш рассудок первоначально усматривает нечто «единое» (общее) в представлениях «дуба», «березы», «ясеня», «каштана» и т.д., затем сравнивает эти представления относительно этого единства и уже напоследок проводит процедуру абстрагирования. Но до собственно рассудочных актов эти созерцательные представления должны быть обработаны таким образом, чтобы, когда мы совершаем дискурсивную работу, т.е. производим челночное движение по ряду представлений, предшествующие представления в ряду не пропадали бы «из виду», а были бы даны сразу, в одном горизонте, так,

чтобы можно было их сравнивать. Такую данность и обеспечивает описываемый синтез.

В третьем абзаце И. Кант прямо называет способность, отвечающую за разбираемый синтез, – это способность воображения. И. Кант приписывает ей, правда, ту же видовую характеристику, что и созерцанию, – «слепоту», однако делает и исключительно важную ремарку: «Без этой деятельности (способности воображения. – *М.К.*) мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее в себе» [1. С. 82]. Здесь важны обе части цитаты: «ни-какого знания» и «редко сознаем». Исключительная важность этой способности сочетается с неочевидностью ее проявлений для сознания. Эта неочевидность, зыбкость, по-видимому, также сыграет некую роль в корректировках и правках, внесенных И. Кантом относительно способности воображения во второе издание «Критики».

М. Хайдеггер же указывает, что в третьем абзаце ясно и недвусмысленно говорится о существовании третьей познавательной способности – способности воображения, и напоминает, что в § 28–36 «Антропологии» И. Кант говорит о различных видах силы воображения и о возможности представления прошлого и будущего посредством этой способности. Из этого же отрывка М. Хайдеггер черпает определение этой способности у И. Канта: «Allgemein bedeutet die Einbildungskraft – facultas imaginandi – “ein Vermögen der Anschauungen auch ohne Gegenwart des Gegenstandes”»¹ [2. С. 278]. Вполне аккуратно толкуя эту цитату, М. Хайдеггер отмечает, что сила воображения имеет характер созерцания, но созерцания без аффицирования, поскольку предмет в данный момент (в настоящее время) не воздействует на наши чувства. А раз нет аффицирования со стороны предмета, значит, есть некая активность (спонтанность) нашей души. Отсюда и вытекает некое промежуточное положение способности воображения: между созерцанием и мышлением.

Эта третья познавательная способность вызывала у И. Канта сильнеешие интеллектуальные колебания и сомнения, поскольку не вписывалась в традиционное учение о способностях души, поскольку представлялась чем-то слишком зыбким и смутным, чтобы быть фундаментом познания, поскольку, как это, видимо, представлялось И. Канту, попадала в сферу психологического рассмотрения и тем самым выпадала из сферы «чистого» рассмотрения. М. Хайдеггер полагает, однако, что в учении о способности воображения И. Кантом достигнуто новое и глубокое онтологическое измерение субъективности, не имеющее ничего общего с психологией, и что без полагания силы воображения как фундамента единства созерцания и мышления вся кантовская экспозиция остается непонятной. Как известно, И. Кант внес во втором издании только одну правку в рассматриваемый нами фрагмент, а именно заменил фразу «функция души» на фразу «функцию рассудка». Но, поскольку все остальное осталось неизменным, эта правка внесла лишь серьезные когерентные противоречия в данный фрагмент.

Вернемся к кантовской экспликации. В четвертом абзаце И. Кант уточняет понятие «чистый синтез». Синтез является чистым, поскольку материал,

¹ «Будучи истолкована в общем, способность воображения – facultas imaginandi – есть способность созерцания без наличия предмета» (перевод мой. – *М.К.*).

который он связывает, является чистым, а не эмпирическим: многообразие созерцаний пространства и времени. Например, многообразие моментов «теперь» во времени в отличие от многообразия цветов, запахов, звуков в эмпирическом созерцании. И вторая важная мысль абзаца: «Чистый синтез, представленный в общей форме, дает чистое понятие рассудка» [1. С. 82]. М. Хайдеггер в своей интерпретации сосредоточивается на формуле «представленный общим образом». Он напоминает, что «всеобщее представление» – это и есть понятие, а значит, «представить общим образом» означает «подвести под понятие». Отсюда вытекает, что чистый синтез образует содержание чистых рассудочных понятий, а ключевую функцию в выработке содержания этих понятий играет трансцендентальная сила воображения.

В пятом абзаце И. Кант опять противопоставляет понятия анализа и синтеза, а затем последовательно и систематически перечисляет все, что входит в состав чистого познания. Следует, однако, отметить, что у И. Канта присутствует здесь некоторая терминологическая путаница. Так, в данном абзаце он называет анализом акт образования обычных понятий («дерево», «человек», «звезда» и проч.) и приписывает эту деятельность «формальной логике», а синтезом – акт образования чистых рассудочных понятий («причина», «субстанция», «возможность» и проч.) и приписывает эту деятельность «трансцендентальной логике». А в более позднем отрывке И. Кант называет акт образования и тех, и других понятий синтезом рекогниции, различая, правда, эмпирический и чистый уровень реализации этого синтеза. За анализом же остается функция экспликации уже имеющихся, готовых понятий. М. Хайдеггер перенимает приведенное в данном абзаце различие анализа и синтеза и переименовывает их в «онтическое» и «онтологическое» образование понятий соответственно, а также делает важное наблюдение, что чистые рассудочные понятия, или категории, имеют свой собственный генезис и не могут быть получены на пути дальнейшего эмпирического абстрагирования от обычных понятий. Затем М. Хайдеггер вслед за И. Кантом просто перечисляет компоненты чистого познания:

- 1) многообразие моментов времени;
- 2) синтез этого многообразия в воображении;
- 3) понятия, привносящие единство в этот синтез.

Относительно шестого, последнего абзаца М. Хайдеггер сразу оговаривается, что его содержание при беглом прочтении кажется противоречащим всему сказанному раньше. Ведь абзац начинается с констатации того, что именно рассудок привносит в свои понятия как форму, так и содержание. Но М. Хайдеггер предлагает обратить внимание на следующую деталь: привносит «посредством синтетического единства многообразия в наглядном представлении (созерцании) вообще» [1. С. 82], то есть посредством силы воображения.

Так, М. Хайдеггер, аккуратно и не погрешая против текста, показывает фундаментальный характер силы воображения в познании, проинтерпретировав всего 1,5 страницы текста.

То, что было изложено И. Кантом в §10 лишь архитектурно и «программно», прописывается буквально до деталей в разделе о схематизме. И. Кант как обычно начинает с действия способности на эмпирическом уровне, чтобы затем выделить и описать чистый. На эмпирическом уровне схе-

ма – продукт способности воображения – служит опосредующим моментом между *сингулярностью* созерцательного образа и *всеобщностью* понятия. Вне этого посредника они никак не могли бы быть соотнесены, поскольку единичное и всеобщее не имеют ничего «общего». А если они не могли бы быть соотнесены, то и никакое познание не было бы возможным, поскольку знание – это всеобщее и необходимое знание о предметах, которые даны исключительно посредством способности созерцания. И. Кант приводит здесь простые и понятные примеры со схемами обычных и математических понятий, наподобие понятия «собака», понятия «треугольник», понятия «число 5». Намного сложнее дело обстоит с трансцендентальным схематизмом. Здесь, с одной стороны, имеются чистые рассудочные понятия или категории. С другой стороны, чистое созерцание. Однако под чистым созерцанием подразумевается исключительно время, а не пространство, поскольку категории должны определять любые предметы вообще, безотносительно к тому, существуют ли они физически или психически. Но «психическое» не дано в форме пространства, поскольку пространство есть форма данности только предметов «внешнего чувства». Время же является универсальной формой созерцания. Получается, что, с одной стороны, есть категории, с другой стороны – время. Но время является, так же как и созерцательная данность обычных предметов: «розы», «звезды», «камня», – сингулярным представлением (см. третий тезис «Метафизического рассмотрения времени» о том, что время не является дискурсивным представлением). М. Хайдеггер в своей интерпретации акцентирует внимание на том, что 12 категорий должны черпать «образ» из единственного, сингулярного представления времени, то есть единственный образ должен каким-то образом дифференцироваться на многообразие чистых образов. Это возможно благодаря действию трансцендентальной силы воображения: «Потому схемы суть не что иное, как априорные определения времени по правилам» [1. С. 130] или «трансцендентальные определения времени». Схемы категорий количества определяют время в качестве «временного ряда», категорий качества – в смысле «содержания времени», категории отношения – в качестве «порядка времени» и, наконец, категорий модальности – в отношении «совокупности времени». Таким образом, характеристики времени, к примеру, такие как необратимость, одномерная направленность или последовательность, невозможны без действия трансцендентальной силы воображения. М. Хайдеггер делает отсюда вывод, что само время конституируется схематизмом, то есть действием трансцендентальной силы воображения. К этому следует добавить функцию трансцендентальной силы воображения применительно к рассудку. Синтез, лежащий в основе действия этой способности, определяет содержание чистых рассудочных понятий. В совокупности эти два обстоятельства – априорное определение времени и выработка содержания чистых рассудочных понятий – позволяют рассматривать схематизм как основу познания вообще, а трансцендентальную силу воображения как фундаментальную познавательную способность.

Однако раздел о схематизме находится в противоречии с разделом о трансцендентальной дедукции категорий. В разделе о трансцендентальной дедукции категорий И. Кант фактически ставит вопрос, уже разрешенный в

разделе о схематизме, а именно, как категории в качестве субъективных условий мысли могут иметь объективную значимость, т.е. относиться к независимо от них существующим предметам? Дело в том, что в §10 и в разделе о схематизме фактически дан *генезис* чистых рассудочных понятий, или категорий: причем генезис как формы, так и содержания этих понятий. В разделе же о трансцендентальной дедукции категорий И.Кант фактически игнорирует часть рассуждений, касающуюся генезиса содержания, и представляет категории исключительно как *Notionen*, т.е. как чисто логические априорные конструкции. В работе «Кант и проблема метафизики» М. Хайдеггер систематически перечисляет моменты, которые запутывают постановку вопроса о трансцендентальной дедукции категорий: рассмотрение категорий в отрыве от их отношения ко времени; представление о том, что предмет может быть дан только и исключительно благодаря способности созерцания; метафизическое, а не трансцендентальное рассмотрение а *prìogì*, то есть понимание а *prìogì* как принадлежащего «изолированному субъекту» до всякого отношения к предметам. Почему же происходит такая путаница или, как минимум, приводятся столь разноречивые толкования одной и той же проблемы? Если суммировать все сказанное М. Хайдеггером в двух работах, посвященных И. Канту, можно составить следующий перечень аргументов: 1) продвижение И. Канта в его исследованиях было куда более глубоким, нежели существовавшая в то время грация и разделение дисциплин, например разделение на логику и психологию (соответственно, чтобы избежать психологичности, И. Кант отходит от своей экспликации воображения (фантазии) как чего-то «психологического»); 2) представление о «формальной логике» как образцовой дисциплине: здесь можно вспомнить и о выдвижении логики как образца для метафизики в предисловии к «Критике» и о приведении готовой таблицы суждений, и о чисто гипотетическом развитии «трансцендентальной логики» в противовес полной обоснованности и четкости «формальной», в то время как именно «трансцендентальная логика» имеет своим предметом «отношение мышления к предметам»; 3) рассмотрение И. Кантом своего исследования как «судебной тяжбы» с догматической метафизикой, которая пыталась судить о вещах на основании и исходя из одних только понятий. Итак, М. Хайдеггер полагает, что раздел о схематизме представляет собой подлинный и глубочайший прорыв в исследовании способностей души, в то время как раздел о трансцендентальной дедукции категорий представляет достаточно противоречивое изложение, связанное с некоторым отступлением И. Канта от своих же собственных интеллектуальных результатов.

Последний фрагмент, на основании которого М. Хайдеггер демонстрирует место и значение трансцендентальной силы воображения в познании, – это фрагмент о синтезе аппрегензии (*Apprehension*) в созерцании, синтезе репродукции (*Reproduction*) в воображении и синтезе рекогниции (*Recognition*) в понятии¹. Именно здесь мы имеем наибольшее количество «модернизирующих прочтений». Эти модернизирующие прочтения касаются как взаимоотношения между способностями, так и, собственно, структуры субъективно-

¹ В переводе Н.О. Лосского эти термины звучат как «аппрегензия», «воспроизведение» и «воспризнание».

сти. Иногда они касаются не только сути, но и языка кантовского описания. Но об этом будет сказано чуть ниже.

И. Кант, как обычно, начинает с эмпирического синтеза, чтобы затем перейти к чистому. Что же дано на уровне эмпирической аппрегензии? Созерцание имеет место «здесь» и «теперь», в данный момент времени, в определенное мгновение. М. Хайдеггер подчеркивает, что каждое представление сосредоточено в определенном моменте, а значит, изолировано от всего остального, но изолированные друг от друга впечатления не могут составить многообразие впечатлений. И вот эмпирический синтез аппрегензии как раз и обеспечивает их соединение и данность многообразного как такового. Но сама эта данность требует выполнения предварительного условия – удержания времени и пространства, согласно И. Канту, и удержания самого момента «теперь», момента «настоящего», согласно М. Хайдеггеру. Это предварительное условие и обеспечивается чистым синтезом аппрегензии. Расхождение в формулировке И. Канта и М. Хайдеггера объясняется двумя обстоятельствами: 1) И. Кант позже, в тексте сам скорректирует свою формулировку, признав, что представление о времени может быть полностью сформировано только благодаря способности воображения, а на уровне созерцания дано только «настоящее», что позволяет расценивать интерпретацию М. Хайдеггера как вполне аутентичную; 2) одновременно, общий смысл акцентирования М. Хайдеггером именно момента «настоящего» применительно к созерцанию полностью проявляется лишь в контексте интерпретации им всех трех синтезов и является по сути «модернизирующим», о чем будет сказано ниже.

Эмпирический синтез репродукции позволяет представлять также и то, что не дано актуально, что не дано в данный момент в созерцании. Если бы мы забывали то, что было дано в предыдущий момент, в момент «уже-не-теперь», то мы не могли бы представить себе нечто минувшее. Но воображение, согласно вышеприведенной цитате из кантовской «Антропологии», – это именно «способность представлять предмет и без его наличия (в настоящем времени)». Согласно М. Хайдеггеру, благодаря воображению мы можем представить весь округ многообразного, то есть весь предметный регион. Но это опять же требует выполнения предварительного условия. Это условие М. Хайдеггер формулирует как способность удерживать момент «уже-не-теперь» в его связи с моментом «теперь», то есть возможность удерживать открытым горизонт прошлого. И это удержание осуществляется в чистом синтезе репродукции. Данная интерпретация, по-видимому, частично согласуется, частично не согласуется с кантовским текстом. В чем согласуется? Бесспорно, способность воображения задействована в данности предмета: как на эмпирическом, так и на чистом уровне. Предмет дан не только и исключительно с помощью способности созерцания. В целом, этот ставший позднее практически «общим местом» тезис, впервые высказан именно И. Кантом: «Что воображение есть необходимая составная часть самого восприятия, об этом, конечно, не думал еще ни один психолог. Это происходит отчасти вследствие того, что эту способность ограничивают только деятельностью воспроизведения, а отчасти вследствие того, что предполагают, будто чувства не только дают нам впечатления, но даже и соединяют их и производят образы предметов, между тем как для этого, без сомнения, кроме воспри-

имчивости к впечатлениям, требуется еще нечто, именно функция синтеза впечатлений»¹ [1. С. 105]. Также эта интерпретация согласуется с представлением И. Канта о существенной роли трансцендентальной силы воображения в формировании представления о времени. Это обстоятельство зафиксировано И. Кантом как минимум дважды: в разделе «О трансцендентальном схематизме» и в разделе «О синтезе воспроизведения в воображении». Приведем ясную и недвусмысленную цитату: «Без сомнения, если я мысленно провожу линию или представляю себе время от одного полудня до другого, или хочу лишь представить себе какое-нибудь число, я необходимо должен сначала брать одно за другим представления, входящие в состав этих многообразий. При этом если бы я постоянно забывал предшествующие представления (первые части линии, предшествующие части времени или последовательно представляемые единицы) и не воспроизводил их, переходя к следующим, то у меня никогда не возникло бы целое представление, не возникла бы ни одна из названных раньше мыслей и даже не образовались бы чистейшие и первые основные представления пространства и времени» [1. С. 97]. Эта цитата интересна еще и тем, что приводимый в ней пример действительно апеллирует к открытости горизонта именно прошлого, что в некотором смысле служит апологией хайдеггеровской интерпретации. Однако данная интерпретация не учитывает в данном случае общего определения способности воображения у И. Канта как способности, с помощью которой мы можем представлять прошлое и будущее. Вот это последнее обстоятельство и не позволяет говорить о полной «аутентичности» вышеприведенного толкования.

Но наиболее радикальный разрыв происходит с истолкованием третьего синтеза – синтеза рекогниции в понятии. Понятие, по Канту, – это усмотрение единого (общего), усмотрение тождества в ряду представлений (того, что представляется в настоящий момент, с тем, что представлялось в предыдущий момент). Генезис эмпирических и чистых рассудочных понятий при этом является существенно различным по своей природе (это различие подробно описано И. Кантом в §10 и проинтерпретировано М. Хайдеггером), но функция привнесения единства является общей как в случае формирования обычных понятий, так и в случае формирования категорий. По М. Хайдеггеру, И. Кант склонен противопоставлять третий синтез первым двум, фактически сводя его к трансцендентальной апперцепции и тем самым воспроизводя на более высоком уровне разрыв между созерцанием и мышлением, именно как разрыв между временем и «я мыслю». М. Хайдеггер полагает также, что И. Кант недостаточным образом истолковывает этот синтез относительно его связи с аппрегензией и репродукцией и склонен к рассмотрению этих синтезов как осуществляющихся последовательно, о чем свидетельствует, к примеру, следующий фрагмент: «Уже самое слово понятие могло дать нам повод к такому замечанию, так как именно это *единое* сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразие, постепенно данное в наглядном представлении и затем воспроизведенное» [1. С. 97]. Далее, он считает, что

¹ См. также работы основоположников гештальт-психологии; см. также: «...фантазия должна рассматриваться как нечто изначальное, она не порождается, а только все более ограничивается чувственным восприятием» [3. С. 181].

название, данное синтезу И. Кантом, искажает его функцию. Латинскому слову «*recognition*» соответствует немецкий аналог «*Wiedererkennen*», что неблагозвучно, но зато достаточно точно для данного контекста переводится на русский как «вновь-познание»¹. М. Хайдеггер считает этот термин неудачным, так как только все три синтеза в совокупности конституируют познание, а термин затемняет такое положение дел и предлагает свое название для этого синтеза – «идентификация». Далее, он критикует представление о линейной последовательности синтезов. Его аргумент сводится к тому, что мы не могли бы идентифицировать «данное» в созерцании с «воспроизведенным» в воображении, если бы изначально уже не удерживали единство. Изначально – не в качестве предзаданности, а в качестве «проекта» целого, проекта всего «сущего». Отсюда понятно, что третий синтез – синтез рекогниции – толкуется также как направленный на время, а именно на будущее. Наше познание не начинается с момента «теперь», а начинается с некоего проекта целого, которое затем, так или иначе, открывается в последовательности аппрегензий и репродукций. В связи с этим М. Хайдеггер предлагает второе переименование синтеза – в синтез «*Praecognition*» – прекогниции, уже самым его названием указывая на первичный и предваряющий характер его осуществления. Так, все три синтеза получают направленными на время: «*Die Synthesis der Apprehension ist bezogen auf die Gegenwart, die der Reproduction auf die Vergangenheit und die der Prae-cognition auf die Zukunft*»² [2. С. 364]. А поскольку эти синтезы суть перво-отношения субъекта, сама структура субъективности является временной.

Очевидно, что данная интерпретация является радикально «модернизирующей» и уже не опирается на кантовский текст. Ее можно рассматривать частично как критику некоторых положений И. Канта: критику отсутствия связи между синтезами аппрегензии и репродукции, с одной, и синтезом рекогниции, с другой стороны; критику линейной последовательности синтезов и т.д., – частично как развитие собственной онтологии, о чем свидетельствует даже выбор языка описания проблемы. До этого фрагмента М. Хайдеггер, если и переинтерпретировал кантовские понятия в терминах своей онтологии, то все равно всегда были видны и понятны исходные языковые конструкции. К примеру, хайдеггеровское различие «онтического и онтологического образования понятий» совершенно эквивалентно генезису «эмпирических» и «чистых рассудочных понятий» у И. Канта. Хайдеггеровское понятие «сущего» эквивалентно кантовскому понятию «явления» и т.д. В последнем же фрагменте таких языковых эквивалентов и аналогов попросту нет. Далее. Данная интерпретация меняет онтологическую оптику рассмотрения проблем. Например, М. Хайдеггер часто использует при толковании понятие «*Dasein*» вместо понятия «субъекта». Очевидно, что онтологически это совершенно не равноценные конструкции. Не касаясь всех возможных отличий, зафиксируем лишь одну важную деталь: понятие субъекта у И. Канта толку-

¹ Дословный перевод этого слова с немецкого «узнавание». Однако здесь (*re-cognition*, *Wiedererkennen*) важны другие акценты: корень, указывающий на процесс познания, и приставка, указывающая на повторный характер действия.

² «Синтез аппрегензии направлен на настоящее, синтез репродукции – на прошлое, а синтез прекогниции – на будущее» (перевод мой. – М.К.).

ется сложно, в том числе в смысле колебания между «метафизическим» и «трансцендентальным» пониманием *a priori*, то есть пониманием субъекта как замкнутого и изолированного в своей имманентной сфере и субъекта как всегда уже относящегося к предметам. В то время как *Dasein* уже изначально толкуется как интенционально структурированное, то есть направленное на предметы, что и зафиксировано в наименовании основной структуры существования этого сущего – «бытие-в-мире». Соответственно, к примеру, тезис о временной конституции субъективности, совершенно органично вытекающий из «природы» *Dasein*, порождает дикие интеллектуальные затруднения применительно к кантовскому субъекту. Ведь понятно, что тезис о «временной структуре субъективности» не характеризует бытие «эмпирического Я», все психические процессы которого, само собой разумеется, протекают в форме времени. Этот тезис должен, по идее, относиться к «трансцендентальному субъекту», про которого, согласно И. Канту, мы ничего не можем сказать, кроме того, что «он есть». В этой связи показательно, что М. Хайдеггер даже не предпринимает попытки апплицировать свою интерпретацию трех синтезов как образующих временную структуру субъективности на понятие «трансцендентального субъекта». И эта интерпретация остается, по сути, не соотносенной не только с этим фрагментом, но и не вписанной в целое кантовского учения.

И, наконец, последнее замечание касается фиксации «смешанного» характера хайдеггеровской интерпретации. Одни части данной интерпретации тяготеют скорее к канону «исторической герменевтики»¹ с ее стремлением понять, «что хотел сказать автор», другие же – явно демонстрируют максимум «философской герменевтики»² – понять, «что сказано в тексте». Это смешение порождает иногда парадоксальные эффекты. И одним из таких эффектов является недооценка значимости хайдеггеровской интерпретации в ее «исторической» части. В то время как фундаментальный характер трансцендентальной силы воображения в познании исчерпывающим образом обоснован М. Хайдеггером и даже признается философскими оппонентами М. Хайдеггера, в частности Э. Кассирером: «В одном пункте между нами имеется согласие: мне также кажется, что продуктивная способность воображения имеет для Канта центральное значение» [4. С. 125].

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993.
2. Heidegger M. *Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft*. Frankfurt am Main, 1995.
3. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
4. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск, 2001.

¹ См., например: Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011.

² См., например: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.